

ПРАВДА - 1992 - 4 июня

...И коты прозревают

Почему никто больше не написал «Тихого Дона»

Не так давно старый писатель В. Солоухин известил мир: «Я из слепого котенка стал зрячим человеком». За всю необозримую историю развития класса млекопитающих это первый случай. До сих пор из котенка никогда не вырастал человек, тем более — писатель, лауреат Государственной премии, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». До сих пор из котенка не получалось даже собаки, а всегда только одно — кот. В данном случае — прозревший.

Очень многое привлекло внимание писателя, как только он прозрел: история Октябрьской революции и гражданской войны, жизнь последнего русского царя, кое-что в биографии В. И. Ленина и т. д. Конечно, не мог он не примкнуть и к тем прозревшим, которые изображают Михаила Шолохова литературным карманником. Его доводы здесь столь самобытны, что, пользуясь прошедшей очередной годовщиной со дня рождения великого писателя — 24 мая, к ним хотелось бы вновь вернуться.

Так, Солоухин заявил: «Шолохов не мог написать первую книгу «Тихого Дона», ибо она написана с психологией и жизненным опытом пятидесятилетнего человека, много видевшего, знающего, пережившего, а Шолохову ведь — двадцать лет. Мальчишка». Утвердиться в таком выводе новому шолоховеду помог интереснейший эксперимент.

У Солоухина есть друзья: Миша, Ваня, Володя, Толя, Андрияша и Егор Александрович. Он им сказал: «Вы все известные писатели, то есть (сомнений у него никаких! — В. Б.) одаренные, талантливые люди. Вы все издали много книг, романов, повестей, стихов. Все вы — кто лауреат, а кто и Герой Социалистического Труда...» — «А теперь...» Обращаясь к каждому персонально, экспериментатор попросил ответить, мог бы кто из них в двадцать лет написать «Тихий Дон»?

Вопрос, конечно, странный. Ибо Солоухин, как и все его друзья, прекрасно знает, что хотя бы только одна первая кни-

га своего «Тихого Дона» ни у кого из них не вышла ни в двадцать три года, как у Шолохова, ни в сорок пять, ни в шестьдесят. Тем не менее Герой Соцтруда Миша чистосердечно признался: «Я в таком возрасте не мог написать «Тихий Дон». Я тогда стихи сочинял для стенгазеты». В этом духе ответили мультилауреат Ваня, Герой Володи, Герой Толя и все остальные подопытные.

Вот видите, сказал беспощадный экспериментатор, даже обилие высоких наград не гарантирует создание великих книг. А какие награды были у Шолохова в двадцать три года? Никаких! И вывод его суров: не мог тот почти безвестный вешенский Миша превзойти увенчанного регалиями московского Мишу со товарищи и написать «Тихий Дон». Ну никак не мог! Не полагалось.

Впрочем, Солоухин согласен признать некоторую причастность Шолохова к «Тихому Дону». «Я ничего не говорю, это большой писатель, — похлопывает он по плечу Шолохова. — Даже если две трети «Тихого Дона» написаны им, и тогда уж это очень большой писатель». На две трети, так и быть, он согласен.

Но смотрите, что дальше: «Сойдемся на компромиссе: первая часть, если не в отделанном виде, то в черновиках, ему действительно досталась с расстановкой действующих лиц, а главное с тональностью романа. Тон был задан, атмосфера романа определена, ведь замысел, вернее сказать, рождение замысла — это больше, чем половина дела». Значит хотя Шолохов и написал две трети текста, это, однако, меньше половины дела — ну допустим, процентов 40, что ли. Может, настала пора хотя бы за это сказать мерси?

Нет, вспомним утверждение неопрозревшего: Шолохов не мог написать первую книгу, ибо она написана с психологией и жизненным опытом по крайней мере пятидесятилетнего человека... Если так, то ведь получается, что он не написал и остальные три книги, ибо, когда в

1940 году вышла уже самая последняя, четвертая, Шолохову было всего тридцать пять лет. До возрастного ценза, который Солоухин установил для великих книг, не хватало еще пятнадцати лет. Выходит, он не оставляет Шолохову и 40 процентов, а вместе с Солженицыным и другими вырывает у него всю эпопею от первой до последней главы.

Как же быть с другими гениями мировой литературы? Взять, допустим, Данте. Как утверждают биографы, он начал писать свою «Комедию», когда ему было всего сорок два года. Мыслимое ли дело!.. А Шекспир? Тот вообще ухитрился демонстративно прожить на свете только 52 года и лучшие пьесы написал в совершенно зеленом возрасте: «Ромео и Джульетту» — в 31 год, «Гамлета» — в 37, «Отелло» — в 40, «Короля Лира» — в 41... А наш Толстой? За «Войну и мир» засел, говорят, в 35 лет и в 40 с лишним закончил. Пора, давно пора объявить, что все это написано не ими.

В стремлении показать нам истинное лицо Шолохова его ниспровергатель неутомим, как Сизиф, и хитроумен, как Одиссей. Смотрите, как ловко пустил он здесь в дело слово «сверхгений». Что это такое? Ведь и гений-то понятие таинственное, спорное, а уж сверхгений вообще неизвестно что. Но он решительно объявляет: «Шолохов не сверхгений». Как тут спорить? Ни подтвердить, ни опровергнуть это невозможно. А между тем камешек брошен.

«О том, что Шолохов не сверхгений, — продолжает катить Сизиф-Одиссей глыбу собственной выделки, — говорит вся его дальнейшая жизнь: речи, статьи (либо отсутствие таковых), записные книжки (либо отсутствие таковых), переписка (либо отсутствие таковой). Ни в чем сверхгениальность не проявилась». И опять — как ловко! С каким чувством мерси! Ведь мог и продолжить: «заявления в Литфонд (или отсутствие таковых)» и т. п., а он ограничил себя.

Не будем касаться здесь та-

ких пока еще недостаточно изученных вопросов, как записные книжки, тем более что это лишь частность в облике любого писателя, а уж особенно романиста-эпика, но о заявлениях и переписке кое-что сказать, пожалуй, следует.

Когда началась война, Шолохов написал два заявления. В первом просил принять у него в Фонд обороны 100 тысяч рублей — только что полученную им Сталинскую премию первой степени. Во втором просил направить его на фронт. Конечно, это свидетельствует не о сверхгениальности, а о некоторых иных свойствах человека. Сдается, что Солоухин имеет отдаленное представление об этих свойствах, ибо судьба тоже давала ему возможность написать хотя бы одно из двух таких заявлений — второе, но он уклонился.

Что касается переписки, то она была у Шолохова довольно обширной. Известно, в частности, о его письмах и телеграммах И. В. Сталину. В них он смело и гневно писал о безобразиях, творившихся на Дону, просил помочь голодающим, вступался в пору «ежовщины» за арестованных односельчан, и во многом добивался цели.

И сами собой напрашиваются вопросы: «А есть ли хоть одно подобное письмо Солоухина? Вступался ли он в свое время, допустим, за Пастернака, которого ныне превозносят?»

Нет, вел себя иначе. Так, на известном собрании московских писателей, посвященном осуждению Б. Пастернака, мы услышали: «Доктор Живаго» является оружием «холодной войны» против коммунизма. Не стоит ли Пастернаку стать на самом деле эмигрантом? Конец был достоянию слепого котенка: «Когда наша партия критиковала ревизионистскую политику Югославии, то были разговоры — а вдруг она окончательно шатнется и уйдет в тот лагерь! И мудрый Мао тогда сказал, что этого никогда не будет потому, что американцам нужно, чтобы она была в нашем лагере. И вот Пастернак. Когда станет настоящим эмигрантом, он там будет не нужен. И нам он не нужен. Это будет настоящая казна за предательство, которое он совершил». Солоухину шел тридцать пятый год, когда он произнес эту незабываемую речь.

Именно в этом возрасте Шолохов завершил «Тихий Дон»...

Владимир БУШИН.